

Тут Мужун Ли наконец понял, что снова невольно заговорил о том, чего его наставник терпеть не мог, и в сердцах разозлился на себя за свою забывчивость. Рука его опередила мысли, и он пару раз с силой ударил себя по голове. Стражи, которые всё ещё стояли у ворот на дежурстве, сначала обрадовались возвращению господина, но сразу заметили, что Тайфу вошёл первым, а генерал, вернувшись, начал сам себя бить. Все растерялись: что же произошло? Неужели генерал снова что-то ляпнул и так рассердил Тайфу, что теперь сам себя наказывает?

Но никто не осмелился спросить. Лишь один слуга, который обычно прислуживал Мужун Ли, осторожно подошёл к нему и, некоторое время внимательно вглядываясь, тихо прошептал ему несколько слов на ухо.

— А?! — воскликнул Мужун Ли от изумления, а затем, яростно ругаясь, схватил у ближайшего караульного длинное копьё и замахнулся на слугу:

— Идиот, тебе все еще нужно спрашивать меня об этом? Конечно, сколько нужно — столько и бери! Что получше — то и покупай! Или пока меня нет, ты решил, что дети будут голодать?! Да тебя пороть надо!

— Генерал, прекратите!

Когда Го И услышал снаружи крики Мужун Ли и узнал от Го Ши, что в доме закончился рис и провизия, он снова вышел. Он увидел, как Мужун Ли размахивает копьём, чтобы ударить своего слугу. Не раздумывая, он громко окликнул его и прыгнул вперёд, перехватив древко копья.

Из комнаты выбежал и Го Ши. Увидев, что его отец и старший брат схватились за одно копьё, будто вот-вот начнут сражаться, он тоже подбежал и вцепился в него. И тут он выдал фразу, от которой Го И едва не поперхнулся кровью:

— Отец столько трудился на границе, позволь сыну наказать его за тебя!

С одной стороны, ученик князь во весь голос выкрикнул такое, что теперь все узнали, что великий наставник Императора настолько беден, что у него дома даже риса нет. С другой, любимый младший сын, вцепившись в древко копья, с невозмутимым лицом выдал: «Отец столько трудился на границе, позволь сыну наказать его за тебя». Го И почувствовал, что если бы он был на пару лет моложе, то схватил бы этих двух глупцов по одному в каждую руку и лично отвёл бы их в Тянь-Шань на корм снежным волчатам!

Но всё это... ведь делалось из заботы о нём.

Когда он так подумал, Мужун Ли уже покорно опустил копьё и с почтением произнёс:

— Учитель, ученик оступился, сказал лишнее. Прошу, не сердитесь!

Сказав это, он ещё и злобно сверкнул глазами на своего слугу, давая знак поскорее разрешить финансовый кризис в частной школе.

Го И тяжело вздохнул, взял руку Го Ши с древка и переложил в свою ладонь, мягко сказал:

— Ши Эр, иди отдыхай. Отец не собирался бить твоего старшего брата, он просто не позволил ему бить слугу. Но... — тут он перевёл взгляд на Мужун Ли, и выражение лица стало куда суровее:

— В этот раз генерал помог мне и школе выйти из трудного положения, за это я благодарен. Однако пусть генерал не думает, что этим я обязан исполнить его просьбу. Надеюсь, генерал как можно скорее вернётся в столицу, задержка может привести к неприятным переменам.

Сказав это, он метнул копьё, оно с силой вонзилось в ствол вековой сосны, насквозь пробив его!

Го Ши побледнел. Он сразу понял, что отец так разгневался не из-за пустяков, должно быть, есть и другие, более серьёзные причины. Он не осмелился больше задавать вопросов и, сдержав поток мыслей, молча пошёл обратно в дом спать.

Мужун Ли тем временем опустил голову так низко, что, казалось, не поднимет её никогда, он даже взгляд не решался перевести в сторону.

Дежурные стражники, наблюдая за происходящим, не посмели и дышать громко и молча последовали за слугой и Го Ши, бесшумно скрывшись в пристройках за внутренним двором.

Го И не окликнул Мужун Ли и сам не двигался с места. Он остался стоять так же, как и после броска копья, с опущенной рукой и застывшим взглядом, вперившимся в ученика. Что он думал в тот момент никто не знал.

Лишь когда луна начала клониться к западу, Го И слегка пошевелился, тяжело вздохнул и сказал:

— Иди отдыхай. Придёшь снова, когда проснёшься. Как только поймёшь, в чём именно был неправ, изложи это письменно и передай мне.

С этими словами он развернулся и ушёл в свою комнату.

С этого дня Мужун Ли почти ежедневно приносил Го И лист бумаги, исписанный от начала до конца. Но каждый раз, после вручения снова послушно стоял в наказании за пределами двора.

В первый раз Го И лишь бросил взгляд на лист, фыркнул и отшвырнул его назад двумя словами:

— Почерк отвратителен.

Во второй раз было уже чуть лучше, но на бумаге появилось три новые и беспощадные слова:

— Мысли не связаны.

В третий раз лицо Го И смягчилось лишь самую малость, но приговор остался безжалостным:

— Написано в спешке. Переделай.

Так продолжалось до четвёртого раза, когда Го И, наконец, прочитал всё от начала до конца. Но, дочитав, его лицо снова потемнело. Он взмахнул рукавом и Мужун Ли отлетел на три шага назад, с силой ударившись о землю.

— Ты что, зря стоишь здесь четыре дня? Убирайся!

Даже Го Ши, который в начале злорадствовал и посмеивался, теперь стал искренне жалеть Мужун Ли.

Жаль только, что он вообще открыл рот, стоило ему заговорить, как Го И сразу вспомнил, какую большую ошибку тогда совершил этот мальчишка. В ярости он тотчас выгнал и Го Ши, громогласно прикрикнув:

— Желторотый сопляк! Зря ты столько лет учился по книгам мудрецов! Осмелился жалеть своего старшего, даже не подумав, что сам видел и что сказал! Вон! Общее наказание! ! Пока не напишешь ясно и не поймёшь суть ошибки — никакого сна! Каждую ночь будете вместе стоять!

И на этом Го И не остановился. Он отдал строгий приказ всем ученикам:

— Кто посмеет принести хоть каплю воды или тёплой одежды этим двоим из-за похолодания - будет наказан так же!

Хотя для личных стражей Мужун Ли этот запрет формально не имел силы, сам Мужун Ли настоял, чтобы и они подчинялись ему, как военному приказу, и ни в коем случае не помогали, ведь он сам должен отвечать по армейским правилам.

В итоге, даже когда в уездном городе, где они остановились, прошла уже почти половина месяца, письмо, отправленное правителем Юэ Мужун Ши, так и не дошло вовремя до рук Мужун Ли.

Только спустя ещё пять дней, когда Мужун Ли вновь стоял на коленях перед письменным столом учителя и опустив голову смотрел в пол, он услышал, как Го И тяжело вздохнул:

— Ты - князь Юэ, к тому же главнокомандующий центральной армией, а говоришь и ведёшь себя так безрассудно... Уже десять дней, а ты всё ещё не можешь понять, в чём твоя ошибка? И ты мой ученик, которого я сам обучал... Неужели я такой никудышный наставник?

— Учитель... — Мужун Ли сразу уловил в голосе Го И нотки разочарования. Он поспешно подполз на коленях ближе, схватил его за рукав и с мольбой в голосе сказал:

— Это Ли-эр глуп, ещё не окончил учение, это не вина учителя! Прошу вас продолжать наставлять меня, Ли-эр будет стараться изо всех сил!

Го И снова тяжело вздохнул, взял с письменного стола письмо, с явно заметными следами сгибов, и протянул его Мужун Ли, мягко сказав:

— Твой старший брат, император, уже знает, где я нахожусь. Он специально передал это письмо для тебя, чтобы ты доставил его мне. Но твой слуга отдал его сразу мне. Судя по содержанию, при дворе действительно происходят перемены. Как бы ты ни стремился учиться, боюсь, время уже не на твоей стороне.

Мужун Ли быстро пробежал глазами письмо, потом резко поднял голову и сказал:

— Учитель, прошу — возвращайтесь со мной!

С этими словами он вдруг опёрся обеими руками о землю, не обращая внимания на попытки Го И остановить его, стал непрерывно бить поклоны, не переставая звать: «Учитель! Учитель!», — и в каждом слове звучала искренняя мольба. Даже Го Ши, давно уже освобождённый от наказания, стоя снаружи, не смог сдержать слёз, глаза у него покраснели.

Такое поведение Мужун Ли сильно испугало Го И. В растерянности ему почудилось, будто перед ним снова стоит тот самый маленький Мужун Ли, который когда-то умолял взять его в военный лагерь. Когда он, наконец, пришёл в себя, на лбу Мужун Ли уже была кровавая ссадина.

— Ты... Зачем же так? Быстро перестань! Вставай, пойдём, я обработаю рану, остальное потом обсудим, — Го И стремительно схватил Мужун Ли, не давая тому возможности сопротивляться, и, перепрыгнув через письменный стол, понёс прямо в комнату.

После того как рану обработали, Мужун Ли, словно приняв твёрдое решение, категорически отказался отдаляться от Го И хоть на шаг. Он не переставал убеждать его, раз за разом повторяя всё те же доводы: что в частной школе условия слишком скромные, что здоровье Го

Ши слишком слабое, что его старший брат Мужун Ши беспокоится, что у него есть приказ Императора - и всё это он успел повторить добрый десяток раз.

Сначала Го И ещё сердился, бросал на Мужун Ли гневные взгляды, отмахивался от него рукавом, а то и вовсе взмывал на крышу, скрываясь от назойливого ученика. Но каждый раз он не решался уйти слишком далеко, опасаясь, как бы его ученик в порыве отчаяния не натворил чего-нибудь с собой. Постепенно он перестал убегать, не злился, не отталкивал его и позволял тому сопровождать себя повсюду - и чай подать, и лицо умыть, и ноги вымыть - всё принимал без возражений.

Только когда нужно было купаться, Го И выгонял Мужун Ли из комнаты порывом ладони. Иногда он всё ещё впадал в задумчивость и не отвечал на слова Мужун Ли, но больше уже не выражал ни раздражения, ни недовольства.

На самом деле Го И прекрасно всё понимал: он не хотел возвращаться в столицу, но это вовсе не значило, что его не тревожит судьба Юэ. Ведь, как говорил Мужун Ли:

— Учитель, даже если забыть обо всём, разве вы не должны подумать хотя бы о младшем ученике? Вы ведь лучше меня знаете, насколько у него слабое здоровье. И потом, с вашим характером, разве вы бы стали брать с учеников плату за обучение? А сколько денег уже потратил ваша школа, пока я здесь живу? Вы будто и не замечаете, но ведь на самом деле всё понимаете, верно?

<http://bllate.org/book/13723/1213802>